

ТЕАТР, СТЕРЯЮЩИЙ СВОЕ ЛИЦО

Большой драматический театр имени Горького на протяжении многих лет был пропагандистско-советской пьесы, созданием новых и волнующих спектаклей, в которых с большой художественной силой раскрывались образы людей нашей страны. Наши люди ассоциировались с коллективом, в котором ряд актеров, ставших чистотой мастерства сцены. Советский драматург чувствовал себя участником этой творческой жизни. В театре авторские были Блок, Маяковский, Фадеев, Габрилович. Был театр связан и с Александром Максимовичем Горьким. Творческое общение с великим писателем сыграло огромную роль в идейно-художественном росте коллектива.

В те годы каждая премьера, показанная на этой сцене, вызвала большой интерес. Ленинградцы радовались росту актеров, следили за тем, как крепнут дарования уже определившихся мастеров, как вступают в жизнь актерская молодежь.

Но все это и прошло. Со временем творческое лицо театра менялось, хотя труппа, в основном, оставалась прежней. Сегодня же мы становимся свидетелями того, как театр «проинципиализируется», утрачивая стремление не только удерживать завоеванные позиции, но и двигаться вперед.

Особенно поучителен последний год деятельности Большого драматического театра, и об этом нужно говорить с предельной открытостью.

На первый поверхностный взгляд руководители театра имеют право заявить, что основная традиция хранится им свято: на репертуарной афише немалое количество советских пьес. Это верно. Но верно только с формальной стороны. Мы же оцениваем достоинство каждого труда не по его намерениям, а по результатам. Более того, мы убеждены, что «большое коллективо» при низком качестве — понятие весьма печальное. А именно это и характерно для нынешнего сезона Большого драматического театра.

Театр показал сделанный равнодушными и холодными руками спектакль «Так и будет». Пьеса К. Симонова не дает серьезных возможностей для творческого обогащения зрителя и актера, ее «утешительная» философия не очень весома. Но если театр взялся за эту пьесу и если он при этом понимает важность показа полноцветных образов нашей современности, то он должен был искать средства к обогащению пьесы. Поводом к этому могла служить хотя бы та темная лирическая интонация, которая присуща пьесе Симонова. Постановщик и режиссер спектакля А. Зонин не избрал этого пути. Спектакль вышел зурлявлым, воображение зрителя не могло быть возвышено примитивным истолкованием пьесы.

Вслед за «Так и будет» театр принимал пьесу совсем уже неинтересную, откровенно пошлую и вульгарную — мы имеем в виду «Жесткий романс» А. Гладкова. Ремесленное сочинение, с примитивными

мыслями и чувствами, насыщенное дешевой «философской» многозначительностью, нашло в театре столь же примитивное сценическое толкование (режиссер Л. С. Рудник). И если этот спектакль не увидел света рампы, то произошло это только не по инициативе самого театра...

Нисколько не обескураженный этим провалом театр осуществляет постановку пьесы Б. Вайля «Любовь земная и небесная». Идея произведения Вайля не отличается новизной, его сюжет в общих чертах повторяет давно известные нам пьесы, характеризующие некоторые стороны капиталистической действительности. Но пьеса Вайля написана пером сатирика, и театр при желании мог бы поставить интересный спектакль-памфлет. Но опять-таки театр (режиссер Л. С. Рудник) не попытался создать сатирического спектакля. Он ушелся собою, другой, более легкой задачей и поставил обыкновенный, развлекательный спектакль со всеми элементами штампованного цырка буржуазной интеллигенции.

Наконец, театр ставит пьесу К. Симонова «Под каштаном Праги». Пьеса эта отмечена многими интересными чертами. Она добрытна по материалу, но изображаемая в ней среда и острая публицистичность темы. Но наличие в пьесе элементов схематизма, слишком акцентированная произвольность, недоработанность отдельных образов, делают ее трудной для постановки. Требуется тонкое чутье режиссера для раскрытия подчас бедно намеченных образов. Однако театр (режиссеры Л. Рудник и А. Зонин) прочитал в пьесе только то, что лежит на ее поверхности, ограничился этим и создал спектакль, вызывающий чувство неудовлетворенности. Пьеса

«прочтена» лениво и раскрыта лишь наполовину.

Таков краткий итог деятельности театра в области освоения современного репертуара. Как видим, не все пьесы вообще стоило ставить, а многие из поставленных попросту обесцвечены театром. В результате — ни одной настоящей и большой удачи.

Руководство Ленинского драматического театра, очевидно, считает что активная творческая работа над пьесами советских драматургов не входит в его задачи. Театр, вероятно, предполагает, что усилия режиссуры в данном случае должны свестись только к распределению среди актеров ролей.

Сказанное не свидетельствует, однако, о том, что театр деградирует во всех смыслах, что в труппе нет теперь больших мастеров и что процесс «провинциализации» идет здесь сверху до низу. Такого вывода сделать отнюдь нельзя. Это становится особенно ясным в тех случаях, когда театр обращается к помощи режиссеров со стороны. Такие приглашения бывают, правда, очень редко. Но каждая встреча коллектива с настоящим режиссером доказывает, что творческие силы в театре имеются, что труппа с жаждой ищет общения с большим художником.

Так случилось недавно, когда театр пригласил для постановки пьесы Островского «Сердце не камень» даровитого и тонкого художника — режиссера Н. С. Раешевскую. Зритель, придя на этот спектакль, оказался как бы в другом театре — настолько разительен был контраст между тем, что ему показали, и обычными спектаклями на этой сцене. Радостна была новая встреча с любимыми актерами, созда-

вшими значительное сценическое произведение.

Своем недавнем Большом драматическом театре показал свою посюстороннюю работу — комедию Шекспира «Много шума из ничего» в постановке режиссера И. Ю. Шленкина. Этот спектакль требует самостоятельного разбора. Он во многом спорен, и не всегда можно соглашаться с его трактовкой. Но несомненно одно: перед нами талантливая работа. В данном случае мы снова являлись свидетелями того, как плодотворно общение коллектива театра с интересным режиссером, как помогает это актеру обрести голос мастера и как спектакль при этом получается острым и интересным.

Особенность Большого драматического театра в прошлом в том и состояла, что ни один спектакль здесь не оставлял зрителя равнодушным. В каждом чувствовалось быстрое творческое пульсация, в каждом радовали актерские достижения.

Позволяю спросить у руководства театра, почему только в спектаклях «Сердце не камень» и «Много шума из ничего» мы являлись свидетелями значительных актерских достижений? Ведь труппа театра, тем же, в ней попрежнему такой замечательный художник, как Е. Грановская, такие опытные и высокодаровитые мастера, как В. Софронюк, А. Лариков, В. Богдановский, О. Казанко, В. Полднышко, А. Никитина и многие другие. Это — коллектив, с которым можно поставить любую пьесу, который может украсить любой театр. Но в Большом драматическом театре актерские достижения стали сейчас очень редкими. К тому же и некоторые актеры используются не всегда правильно. Разве можно пренебречь тем фактом, что такая актриса, как

Е. М. Грановская занята только на рсках эпизодического плана? Театр не создает необходимых условий для роста молодежи, беспечно и бессистемно используя молодых актеров. Разве можно работать с труппой таким образом, что зритель перестал понимать, кто же и в ней составляет основное актерское ядро?

Все это говорит о крайне цитатной позиции театра в вопросах репертуарной практики, использования режиссуры в принципе подхода к труппе.

Театр как будто переехал «на окраину». Ставка на серость, на ремесленную, элементарную «гражданскую» характеризует собой большинство показанных здесь спектаклей, за исключением разве тех, что поставлены режиссерами — «вагонками».

Ленинградские театры в этом сезоне демонстрируют несомненный творческий рост. Ряд работ, вышедших в Ленинграде, — «Взвешенный Онегин», «Орлеанская дева», «Золушка» в театре имени Кирова, «Милый жених» и «Война и мир» в Малом оперном театре, «Дядя Ваня», «За тех, кто в море» в театре драмы имени Пушкина, «Путешествие Перришона» в Театре комедии, «12 месяцев» и «Ворон» в ТЮЗе — доказывает, что наши театры уверенно идут вперед, воссоздавая свою былую славу. К сожалению, о Большом драматическом театре сказать этого нельзя. Его путь настолько неровен, настолько явно отступившие творческой ясности и перспективы, что театр все более утрачивает свое лицо.

Положение его представляется нам тяжелым. Об этом стоит призадуматься прежде всего самому театру, а также и театральной общественности нашего города.

М. ЯНКОВСКИЙ